Пожалуй, это был тот случай, когда Нориэль переживал так сильно, что его сердце грозилось взять отпуск и уехать в кругосветное путешествие. Для, в принципе, достаточно спокойного молодого эльфа, незнакомого с частыми стрессами (количество которых с момента появления в новом мире, впрочем, стало многократно больше), состояние было, по меньшей мере, выходящим за рамки. Но его можно было понять: Малик, наконец, привёл его в племя. Племя людей, которыми он столь сильно восхищался. Одна из основных причин, почему он в принципе захотел покинуть Лес к созданиям, каждый миг существования которых был наполнен смыслом.

Ну, или ему так казалось первое время, но он ни о чём не жалеет.

Взгляд мальчишки цеплялся за десятки шатров, сознание подмечало любую деталь, будь то факт, что татуировки были далеко не у всех и в большинстве красовались на телах мужчин, которых на фоне женщин почему-то было заметно меньше, или то, как разделены были определённые группы людей. Как они собирались между собой, что они обсуждали, как себя вели и что делали. Эмоции Нориэлю было настолько тяжело скрыть, что это Малика даже не веселило, а удивляло.

— И что тебя так восхищает? — шепотом поинтересовался варвар, кидая на встречных людей взгляды, полные веселья и нескрываемого превосходства. — Я тебе не рассказывал про песочных людей, что ли?

— В-всё нормально…

— Да как же, — хмыкнул Малик. — Только не отходи от меня.

На них косились. Нориэль всеми фибрами души чувствовал, насколько все были удивлены. Они шли между шатров и занимавшиеся своими делами люди все застывали, как единый механизм начиная глазеть на прятавшего лицо с ушами под шарфом Нориэля и особенно, особенно на Малика.

О-о-о, варвара внимание толпы не смущало. Наоборот: молодой воин лишь выше задирал голову, получая от внимания искреннее и ничем не прикрытое удовольствие. Нориэль был далеко не настолько… социальным, из-за чего совсем не разделял состояние своего друга. Что-то на краю сознания шептало ему, что одно неверное движение, и на одного флейтиста в мире может стать меньше. Ну, если его поймают и он не сможет дать отпор (а он, какой-никакой, сможет). Тут и сказать было тяжело, почему люди заочно были настолько к нему настороженными.

Возможно, потому, что Нориэль пришёл с Маликом? Или потому, что, даже несмотря на шарф, по Нориэлю сразу можно было сказать, что он чужеземец (не говоря уже про то, что он представитель другой расы)?

Подростку только и оставалось, что отгонять не самые положительные мысли, да подмечать столь отвлекающие детали. Всё же, в первую очередь он испытывал волнение, а не страх. Страх маячил где-то совсем уж далеко на краю сознания, он был призрачным и появился только потому, что Нориэль уже начал потихоньку понимать, в насколько опасном для жизни месте оказался. Здесь его уже не защищал Лес. Здесь не было вечно занятых своими увлечениями сородичей. Здесь уже не было жестокого, но любящего Старейшины.

В этом мире был лишь Нориэль, да хрустевший снег под его ногами. И то — последнее было событием сугубо сезонным и не повсеместным.

— В племени примерно триста человек, — прошептал Нориэль.

Малик, как ни странно, услышал его. Удовлетворённо хмыкнул.

— А ты хорошо считаешь, мой ушастый друг. Ты прав. Раньше нас было больше, но из-за постоянных конфликтов с соседями и леса наше племя стало потихоньку вымирать.

То, как беззаботно это произнёс Малик, заставило Нориэль на миг застыть.

— Триста человек… Это много?

— Не самое маленькое племя, но и далеко не самое большое. Находясь в изгнании, — улыбнулся особенно широко какой-то удивлённо ойкнувшей девушке Малик, из-за чего та сразу куда-то убежала, впрочем, успев кинуть на Нориэля странный взгляд, — до того, как отправиться в лес, я побывал во многих племенах. В самом большом, племени Горных Ястребов, было больше пяти тысяч человек. Можешь представить себе?

— И тебя пускали везде? — удивлённо спросил Нориэль.

Он заметил, как на него покосилась незнакомка, почувствовав себя немного не в своей тарелке. Очевидно, кому-то не нужно было видеть лицо парня, чтобы понимать, что он не человек.

По оговоркам Малика Нориэль уже сделал вывод, что племена часто воевали между собой. Было удивительным то, что Малик умудрился исследовать регион, не получив при этом по голове. Топором или каким-нибудь молотом — в лучшем случае.

Даже молодой эльф, проживший всю свою жизнь в статичном мифическом Лесу, начал понимать такие вещи. Хотел он того или нет, а вечно оставаться наивным он не мог.

Иначе рискует в один момент просто не проснутся. Умирать же Нориэль не хотел. Не потому, что боялся смерти. Перерождённый дух природы мог бояться чужой смерти, но никак не своей. Скорее, потому, что он мог бы потерять своё тело и лишиться возможности испытывать всё то, что он мог испытать, обладая материальным телом. Нориэль на слишком многое пошёл и слишком многое пережил, чтобы вот так просто лишаться тела.

Слышит Лес, существование в виде дерева мальчишка будет помнить вечность!

— Не везде, — оскалился Малик, поняв, что их начали окружать. — Но у меня на этот счёт своё мнение. Меня изгнали в пятнадцать, как только я стал взрослым, мой ушастый друг. Целый год я только и делал, что… хех, занимался расширением кругозора. Поверь, на всех западных землях нет настолько много знающего про быт других племён варвара, как я.

«Зачем ему это?» — промелькнула мимоходом мысль в голове Нориэля.

Впрочем, развить мысль у него не получилось:

Мальчишка, увидев, что со всего поселения начали собираться крупные, высокие мужчины, напрягся.

Теперь в случае чего им будет тяжелее сбежать.

— Мы будем отбиваться? — прошептал одними губами подросток.

Флейта Нориэля была под рукой. Уже наученный не самым хорошим опытом мальчишка, вкусивший немного местного быта, рефлекторно к ней потянулся.

— Запомни, Нориэль, — повернул неожиданно голову на подростка варвар, прищурившись. — Как мой ближайший приближённый, ты должен вести себя уверенно. Всегда. Разойдутся наши пути когда-то или нет — у Малика, Насмехающегося над Традициями, могут быть только сильные духом друзья. Даже если ты знаешь, что в проигрышной ситуации, не показывай этого. Ты — самый сильный. Ты — самый мудрый. Или, в твоём случае, хе-хе, самый прекрасный и утончённый. Лучший из лучших. Всегда. После меня, конечно же.

Варвар, проигнорировав удивлённого от подобной тирады Нориэля, вновь обратил свой взор на настороженных мужчин.

Наверное, стоило уточнить, что варвар тащил на спине большой, полностью забитый чем-то мешок, привлекавший внимание как бы не больше самих проходимцев. Мешок, как ни странно, сшил Нориэль.

— Я обещал, что вернусь, — кинул мешок в снег Малик, широко улыбнувшись. — И я вернулся.

— Тебе здесь не рады, Малик. Как и не рады существу, окружённому могущественными духами, что ты привёл с собой.

Нориэль сжался.

Круг из мужчин немного расступился. Вперёд, поближе к ребятам, вышел мужчина, заметно выделявшийся на общем фоне. Как минимум тем, что вышедший вперёд мужчина был с голым торсом (стоило напомнить, что была далеко не самая тёплая зима), сверху-донизу покрытый шрамами. У неизвестного были тёмные волосы и суровые, помутневшие карие глаза.

Мальчишка наивно думал, что это у Малика или Айши много татуировок, но теперь понимал, что на фоне сурового мужчины они казались маленькими детьми. Как буквально — так и образно.

Всё тело варвара было в татуировках, что со стороны выглядело довольно угрожающе. Нориэль уже немного понимал, что они значили: татуировки могли как указывать на принадлежность к какому-нибудь роду, так и на какие-то достижения. У Айши тело было покрыто, по большей части, различными линями, когда у Малика были изображены различные узоры, частенько напоминающие каких-то животных. Признаться, мальчишка не углублялся в этот момент; ему, как обычно, просто спонтанно об этом рассказал Малик.

Сам молодой эльф считал, что они знали друг друга слишком мало, чтобы делиться таким. Впрочем, не ему жаловаться на торопливость говорливого друга.

— В прошлую нашу встречу на вас было меньше боевых отметин, вождь.

Нориэль едва на месте не поскользнулся, впервые увидев подобие смирения со стороны Малика: тот, продолжая лыбиться, неожиданно приложил руку к сердцу, поклонившись. Не слишком низко, удивительным образом сохраняя собственную гордость, но и достаточно глубоко, чтобы это не выглядело так, будто он сделал кому-то одолжение.

Это удивило всех настолько сильно, что атмосфера резко изменилась. Мужчины, окружившие ребят, начали перешептываться, сам вождь нахмурился, начав рассматривать Малика так, будто он был каким-то инопланетянином.

— Ты впервые проявил ко мне хоть какое-то уважение, Насмехающийся над Традициями, — ухмыльнулся недобро вождь. — Ещё и прилюдно. По-настоящему проявил. Видят Духи, если бы не твоя сила и чувства моей дочери, то тебя бы уже давно встретили на другой стороне духи предков. Думаешь, этого хватит после всего того, что ты сделал?

— Я не настолько глуп, — оскорблённо ответил Малик, не забывая добавлять в голос столь горячо любимой театральности. — Мешок.

Вождь сложил руки, заострив свой взгляд на мешке.

Нориэль как бы не в первую очередь понял, что Малик очень ценил силу. Разную, не только грубую. Вероятно, поэтому у Малика и было удивительно терпеливое, учитывая далеко не лучший темперамент варвара, отношение к Нориэлю.

Проблема в том, что не только Малик ценил силу. В какой-то степени, на фоне себе подобных, он наоборот был к ней неприхотлив.

И Нориэлю теперь было с чем сравнить.

Открывшие мешок охотники сначала застыли, после чего начали возбуждённо переговариваться, даже кричать.

— Головы демонических псов!

— Тролли, здесь черепа лесных троллей!!! Видят Духи, я и не мечтал их увидеть!

— З-здесь чешуя гигантской чёрной змеи, вождь! Взгляните!

Нориэль удивлённо смотрел за тем, как вокруг мешка собиралось всё больше и больше людей. На восхищённые крики мужчин собиралось всё племя, про парней в принципе быстро забыли, рассматривая огромное количество трофеев. Молодой эльф не имел ни малейшего представления о том, что они охотились на кого-то очень опасного, и что это имело настолько большое значение для всех.

Как и не знал, в какие глубины леса, на фоне остальных членов племени, они заходили.

— Нориэль, мой ушастый друг, думаю, тебе пора открыть своё лицо. Сейчас — идеальный момент.

Тихий, проникновенный голос друга молодого эльфа совсем не удивил.

Нориэль на секунду задумался.

— Мне сыграть на флейте?

Хитрая улыбка варвара стала настолько довольной, будто Нориэль был его сыном, который, часто совершая глупости, наконец, начал взрослеть.

— Я знал, что не ошибся в тебе.

Нориэль, кивнув, снял флейту с пояса, опустив с головы лёгкий шарф, который ему сделала Изориэль, из-за чего его лицо стало видно. Никто и удивиться не успел нечеловеческой внешности, как он быстро, весело, вкладывая вспыхнувшие в нём чувства и теплившееся чудо, заиграл.

Заиграл так, что практически всё племя ощутило дуновение весеннего ветерка и весёлое хихиканье пришедших с Нориэлем из Леса духов.

Заиграл настолько волшебно, что покорил всё племя.

Заиграл так, что, сам того не поняв, абсолютно беззаботно и буднично вписал себя впоследствии в историю.

http://tl.rulate.ru/book/94178/3196638